

ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В ЭПОХУ «НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ»?

Р.И. СОКОЛОВА

Аннотация

В статье рассматриваются возможности взаимодействия России с иными культурными мирами, в частности, с немецким. На современном этапе стремление к такому взаимодействию является очень актуальной задачей, так как мир подошел к опасной черте в условиях тектонических изменений, сопровождаемых многими вызовами и угрозами. Отмечается, что, несмотря на все сложности и противоречия, у России и Германии есть не только общие цели и интересы, но и более глубокие общие основания, на которые можно опереться и двигаться дальше. Это некая духовная и культурная близость, а также проявление взаимной симпатии, несмотря на страдания памяти, связанные с войной. Стремление немецкого общества опереться на традиции, связанное с поисками идентичности в условиях глобализации, также способствует взаимопониманию России и Германии. В связи с этим, в статье показана произошедшая в немецком обществе эволюция в понимании традиции – от ее фактического отрицания в эпоху Просвещения до признания ее позитивного значения в настоящее время. Отмечается также, что современный традиционализм, разрабатываемый российскими и западными учеными, создает хорошую основу для современных коммуникативных проектов.

Ключевые слова: глобализация, кризис, неопределенность, идентичность, взаимодействие, диалог, традиция, традиционализм, мировоззрение.

Соколова Римма Ивановна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

rimsok70@yandex.ru

Цитирование: СОКОЛОВА Р.И. (2017) Возможен ли диалог России и Германии в эпоху «новой современности»? // Философские науки. 2017. № 6. С. 50–63.

Притяжение-отталкивание – таков модус бытия, характеризующий отношения России и Германии на всем протяжении истории, при этом отталкивание нередко принимало форму военных столкновений. По словам известного немецкого исследователя Карла Шлегеля, «образы, созданные немцами и русскими друг о друге, располагаются между полюсами великих ожиданий и столь же великого страха, притяжения и отторжения, культурами русофильства и германофильства и образом врага, созданного пропагандой» [Шлегель 1996, 21]. Если говорить о современности, то отталкивание снова стало ведущим трендом: германо-российские отношения переживают сегодня один из самых сложных периодов за последнее десятилетие.

Однако, несмотря на все противоречия, у России и Германии есть общие цели и интересы — борьба с терроризмом, культурное, научное и деловое сотрудничество. Поэтому весьма актуальны попытки вновь обрести объединяющие ценности, найти общие точки соприкосновения. Возможно, они находятся где-то на глубине, их не видно с первого взгляда, но они — устойчивые и непоколебимые, по сравнению с меняющейся политико-экономической конъюнктурой, несомненно, существуют, как твердое дно, на которое можно уверенно опереться и двигаться дальше.

Колоссальные вызовы и проблемы нашего времени порождают в немецком обществе скепсис и тревожные настроения. А ведь 100 лет тому назад и еще раньше большинство людей смотрели в будущее с оптимизмом, ожидали перемен к лучшему и верили в прогресс. Эволюцию в изменении этого уמוнастроения лаконично и образно объяснил известный немецкий философ и социолог Э. Фромм, слова которого сохраняют свою актуальность и поныне: «Расцвет культуры средневековья связан с тем, что людей вдохновлял образ Града Божьего. Расцвет современного общества связан с тем, что людей вдохновлял образ Земного Града Прогресса. Однако в наш век этот образ превратился в образ Вавилонской башни, которая уже начинает рушиться и под руинами которой в конце концов погибнут все» [Биография. Эрих Фромм]. Другой известный ученый Германии У. Бек попытожил этот процесс, отметив, что европейцы только делают вид, будто все еще существуют Германия, Франция, Италия, Нидерланды. Они остались лишь в головах людей и в сочинениях историков [Бек 2007].

Действительно, развитие современного капитализма и глобализация смывают все национальные границы, смешивают отечественное и иностранное. Под влиянием глобализации немцы утратили чувство идентичности и на своем опыте испытали то, что навязывали другим (во время войны) — чуждые культурные и поведенческие стандарты. Германия сегодня в военном, экономическом и политическом отношении настолько «интегрирована» в транснациональные структуры и в таком объеме зависит от них, что на официальном уровне нет даже стремления изменить это положение. Однако в обществе назревает сильный протест против американизации, ибо глобализация для Германии, и не только для нее, выступает как синоним американизации.

Широкое внедрение в культуру чуждых элементов, ценностей, противоречащих традициям и культуре немецкого народа, ведет к тому, что немецкое общество, утрачивая национальную идентичность, становится весьма уязвимым и ускоренными темпами подвергается разложению. Коллективное бегство в развлечения, отсутствие какого бы то ни было идеала, духовных лидеров; политические партии наводняются одноликовыми и взаимозаменяемыми людьми, стремительный рост

радикальных настроений, вызванный наплывом беженцев — такова картина сегодняшнего дня. Неудивительно, что сложные проблемы человеческого бытия в современной социально-политической реальности Германии выходят на первый план.

Точный и адекватный диагноз этим процессам на современном этапе дал У. Бек. Германия, по его словам, переживает политический шок, вызванный глобализацией. Она попала в затруднительное положение из-за социальной политики в эпоху экономического глобализма: развитие экономики уходит из-под национально-государственного контроля, в то время как социальные последствия этого процесса — безработица, миграция, нищета — накапливаются в системе национального социального государства. Глобализация до основания потрясает самоидентификацию Германии как национально-государственного пространства. Она означает для нее, прежде всего, денационализацию — эрозию и возможную трансформацию национального государства в государство транснациональное [Бек 2001]. Между тем, прежние точки отсчета, такие как «государство» и «нация», по словам Бека, лишаются смысла, так как в мировом обществе риска страновые проблемы нельзя решать в национальных рамках. Самое последнее воплощение глобальных рисков — террористическая угроза — не знает границ. «Мы, — сетует У. Бек, — отчаянно цепляемся за осколки прежнего порядка, за «международное право», пронизанное национально-государственными кодексами, как за источник спокойствия при столкновении с неприкрытым стремлением к доминированию со стороны единственной военной сверхдержавы — Соединенных Штатов» [Бек 2009, 35]. В обществах риска, утративших средства обеспечения безопасности, изначально созданные природой и традицией, страх порождает хрупкое чувство общности. То, что возникает на наших глазах, есть эмоциональные и иррациональные проявления чувства общности людей, объединенных страхом [Бек 2007]. В наши дни ощущение катастрофы уже распространяется в самых широких слоях немецкого населения, проникает в массовую культуру, становится преобладающим мироощущением, которое, по словам Бека, глобализируется.

Действительно, современный мир испытывает тектонические изменения, которые меняют всю политическую карту мира. Потрясение основ оказалось настолько всеобъемлющим, что были утрачены ориентиры движения и само понимание происходящего: то ли это процесс упадка, то ли это возврат к такому общественному порядку, главной целью которого является озабоченность собственной стабильностью, а может быть, это движение к какому-то иному обществу, способному к самоизменению. Некоторые эксперты характеризуют современную ситуацию на Западе даже как «перестройку», «разлом» или «новую современность» [Семененко 2014 (ред.), 218]. И пока неясно,

чем закончится эта «перестройка», ситуация действительно остается крайне сложной и неопределенной. В связи с этим в общественном сознании прочно устоялось представление о современности как о «переломной эпохе», суть которой состоит в том, что человечество оказалось на решающем перепутье и встало перед выбором: либо коллективное уничтожение, всеобщая катастрофа, либо беспрецедентный по своим размерам эволюционный скачок в сознании. Естественно, возникает вопрос: к чему может привести рост скепсиса и разочарования? И есть ли какие-то пути решения проблемы?

Внимательно всматриваясь в окружающую действительность, можно заметить, что вместе с новыми общими проблемами и опасностями появляются и новые надежды. Транснациональному, радикальному глобалистскому проекту начинают оказывать сопротивление все традиционные культуры и цивилизации. Эта борьба с негативным воздействием глобализации проходит не только по границам, разделяющим государства и регионы, но и внутри стран и народов. Все более очевидным становится столкновение двух миров, двух взглядов на человека и на будущее человеческой цивилизации. Народы и индивиды находятся в поисках смыслов для своей идентичности, идет болезненный и трудный процесс выработки новых форм мировоззрения, адекватных как вызовам современности, так и сущности человека. На этом пути идет борьба между миром и насилием, пессимизмом и оптимизмом. Вызовы и угрозы самому существованию человека и жизни на земле актуализируют иной подход — необходимость нахождения общих точек соприкосновения, лежащих, в том числе, и в сфере защиты традиции и нравственных ценностей.

В ситуации опасной развилки, на которой стоит человечество, Россия продолжает свои усилия, направленные на установление гуманного миропорядка, на сближение и сотрудничество также с западными государствами, и прежде всего с Германией. Обращаясь к истории, культуре наших народов, нельзя не заметить, что между русскими и немцами есть некая духовная и культурная близость, а также проявление взаимной симпатии, несмотря на страдания памяти, связанные с войной. При этом всегда оставалось загадкой, в чем же причина этой близости при всей несхожести многих черт характера русских и немцев. В психологии и социологии неосознанную симпатию людей друг к другу или одного народа к другому называют комплементарностью (от лат. *complementare* — взаимодополнительность). Но это отдельный вопрос, требующий специального рассмотрения, он не входит в задачу данной статьи.

Несмотря на то, что отношения с Германией во всех смыслах представляются очень важными, они остаются все еще проблематичными. В лице современной объединенной Германии Россия получила в последние годы последовательного политического оппонента. А немецкие СМИ

редко пишут о России в доброжелательном, позитивном тоне. Вместе с тем ситуация в Германии довольно неоднозначная. Внутри немецкого общества образовалась весьма сложная совокупность противоречий: там есть и сторонники глобализации, и ее противники, сторонники сближения с Россией и ее недоброжелатели.

Что касается немецкого населения, то в большинстве своем оно позитивно настроено по отношению к России. Это создает хорошую основу для взаимных конструктивных отношений: Многие немцы смотрят на Россию с надеждой, поскольку для многих стало очевидным, что Россия становится оплотом традиционных ценностей.

Вопреки устоявшимся представлениям о том, что в таком современном развитом обществе как немецкое, традиции не имеют значения, в действительности ситуация в Германии иная. Практика показывает, что рациональные механизмы регуляции являются всего лишь поверхностной надстройкой над теми традиционными паттернами, на основании которых и осуществляется социально-культурная деятельность общества. Когда же общество оказывается на «перепутье», как это происходит сегодня, и в нем появляется напряжение, оно все более обращается к своим традициям и к своим «истокам». Поэтому в идеологическом пространстве Германии наряду с идеями глобализации и склонностью немцев к постоянному улучшению и модернизации, все больше внимания уделяется сохранению привычных форм жизни, подвергающихся искажению под влиянием глобализации, наплыва беженцев и ряда экономических и политических проблем. Как никогда ранее наметилось стремление к сохранению своих традиций, которые представляют собой систему культурных «ген-кодов», действующих во всех областях жизни. Старые культурные традиции многим немцам очень дороги, они с большим уважением хранят их, ценят и следуют им неукоснительно, хотя большинство из них скорее местного, чем национального происхождения.

Немецкие социально-культурные традиции настолько интересны, что были позаимствованы народами других стран. Примером тому является традиция немцев украшать накануне Нового года хвойное дерево или вешать венки из веток хвои на входные двери. В зимнее время крупные города Германии погружаются в яркую карнавальную атмосферу с обилием всевозможных красочных костюмов. А сама традиция проведения таких карнавалов насчитывает уже много веков. Так, например, первый карнавал состоялся в Мюнхене в 1295 г., т.е. более чем 700 лет назад. В сельской местности создаются центры по восстановлению и сохранению местных традиций, высоко ценятся семейные традиции, в школах ратуют за христианское воспитание. Традиции признаются и в производственных коллективах в качестве надежного ориентира и руководящих принципов, поддерживающих и направляющих их ежедневную работу. При этом традиции и иннова-

ции не исключают друг друга [Unsere Werte]. Судя по всему, приходит понимание того, что традиции способствуют укреплению социальной сплоченности, оказываясь «последней скрепой», на которой держится коллективная идентичность. Стремление реконструировать и развивать основные идеи и традиции наблюдается также в области литературы и философии.

Новые настроения учитывают в своей риторике и политики. Недаром канцлер Германии А. Меркель призвала граждан не забывать о национальных традициях: петь рождественские песни и играть на флейте [Рождественские песни].

Таким образом, Германия в целом является страной с давними и в своей основе неискорененными традициями, видимо, потому, что механизм традиции в «цивилизованных» обществах, как полагают некоторые исследователи, действует даже сильнее, чем в «традиционных» обществах, где письменная культура не имела такого значения и осуществлялся автоматический процесс «забывания» традиции. Немцам же исторически присуще передаваемое от поколения к поколению уважение к порядку, власти, государству. Дисциплина привита им почти на генетическом уровне. Личность здесь контактирует с государством без посредников, и последнее понимается как форма организации не коллективов, а отдельных индивидов. Для немца первично само государство как единственное упорядочивающее начало, непосредственно определяющее бытие каждого [Особенности немецкого менталитета]. Все это обеспечивало, несмотря на многочисленные исторические перипетии, непрерывность развития их традиционного общежития: сохранилась своего рода пуповина, связывающая конкретное настоящее немецкого народа с его прошлым бытием. Германия не раз в своей истории переживала подъемы и спады, но в целом продолжалось ее успешное развитие.

Это обстоятельство давало Германии возможность осуществлять последующие модернизации в собственном специфическом смысле слова, т.е. проводить глубокое, качественное и многоуровневое преобразование, охватывающее одновременно все сферы общественной жизни, не разрушая при этом фундаментальных основ общества. К Германии в полной мере относятся слова ее философа Гадамера: «Даже там, где жизнь меняется стремительно и резко, как, например, в революционные эпохи, при всех видимых превращениях сохраняется больше старого, чем полагают обыкновенно, и это старое господствует, объединяясь с новым в новое единство» [Гадамер 1988, 335].

Современная консервативная реакция в Германии и внимание общества к традиции имеют часто религиозную мотивацию. Несмотря на то, что роль религии в Германии значительно снизилась, нельзя сказать, что религия совершенно не влияет на жизнь граждан. В мегаполисах и небольших городках построено много церквей и храмов,

и многие жители регулярно посещают богослужения. Религиозность как приватное признание трансцендентного сегодня приветствуется. Несмотря на «расколдовывание мира» больше половины людей в Германии считают себя верующими в рамках все тех же мировых религий. Опросы показывают, что число принципиальных атеистов не превосходит 13–15%. Но религиозность сегодня иная, чем во II, XIII или XIX вв. европейской истории. Сложные взаимоотношения светской и религиозной сфер в современном немецком обществе рассматриваются некоторыми исследователями в рамках предложенной Ю. Хабермасом философской концепции «постсекулярного общества», согласно которой в мире наступает период «нового мощного вторжения религии», «всемирного ее возрождения», получившего название десекуляризации [Хабермас 2002, 117].

Сегодня в Германии, как и в Западной Европе в целом, секуляризация соседствует с десекуляризацией. Ей свойственна актуализация признания государством важного значения современной национально-культурной и религиозной идентичности граждан. В настоящее время процесс десекуляризации мира идет не по пути деградации светскости государства или отказа от нее, а по пути усложнения процессов взаимодействия светскости государства и идентичности личности, социальных групп, общества в целом. Десекуляризации противостоит уже не столько секуляризация, сколько идеологическая глобализация, навязывающая регионам, народам, социальным группам унифицированные мировоззренческие ценности, во многом вступающие в противоречие с традициями и духовно-нравственной культурой народов страны.

Понятие традиции от частого употребления в повседневной жизни и в научных статьях, так или иначе посвященных проблемам культуры, оказывается очень размытым и многопрофильным из-за чего исчезает целостное видение влияния традиции на современный социум. Изначально этот термин был связан с «передачей» вечных и неизменных принципов, духовного наследия человечества. В последующее время под традицией стали понимать определенные элементы социального опыта (нормы поведения, жизненные установки, ценности, обряды, ритуалы), передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в течение длительного времени. Понимаемая так широко, она исследовалась в рамках этнологии, антропологии, фольклористики, а также в социологии и исторической науке, превратившись в синоним правил поведения и обычаев.

Отсутствие целостного видения влияния традиции на социум, видимо, приводит к тому, что в отношении к традиции в Германии (и не только в ней) до сих пор продолжает господствовать стереотипная установка, закрепленная в массовом идеологическом сознании еще со времен Просвещения. Согласно этой установке, традиция понимается

как сумма старых обрядов и догм, как что-то архаичное и отсталое [Tradition-UTB]. Своего апогея критическое отношение к традиции как таковой и прежде всего к церкви как ее опорному социальному институту достигло в эпоху Просвещения. В это время собственно и формируется историческое понимание традиции как изменчивого феномена, ограниченного временными рамками. При этом отношение к традиции было разным: от требования критического переосмысления границ признания традиции до полного отрицания всякой традиционности как главного препятствия на пути личности к своей самости. Порожденное прежде всего политическими и идеологическими мотивами, такое понимание имело длительную эволюцию, приведя в конечном счете к возникновению концептуальных затруднений в связи с конструированием противопоставления традиции и ratio. По мере становления светского мировоззрения и сопряженного с ним роста авторитета индивидуального критического разума происходило углубление этого противостояния.

К началу XIX в. как в европейской культуре в целом, так и в немецкой культуре в частности сложилось амбивалентное отношение к традиции. Оно нашло отражение в оценке выдающегося немецкого историка культуры И.Г. Гердера, который считал традицию главной движущей силой истории и в то же время называл ее «духовным опиумом», усыпляющим индивидуальную инициативу и критическое мышление. Однако в ходе дальнейшего развития ментальности модерна отношение к традиции неуклонно становилось все более и более негативным, что усугублялось успехами научного познания и технико-технологическими достижениями, ориентирующимися на новацию, понимаемую как противоположность традиции.

В целом, концептуальные подходы к пониманию сущности и социальной значимости традиции группируются соответственно их общей направленности. В группе подходов, которую можно условно обозначить как охватываемую рамками модернизма и прогрессизма, формируется бинарная оппозиция «традиция — современность», при этом традиция исключается из рационального опыта. В данной парадигме традиция — это то, что в конечном счете отстывает под натиском нового, это нечто обреченное и исторически относительное. Такое понимание просматривается у многих, совершенно разных авторов, в частности, у Ханны Арендт. Для них традиционность как характеристика социума полностью исчерпывает себя в эпоху модерна, поскольку логика индустриального развития требует замены традиции как социального ориентира ориентацией на общечеловеческую рациональность.

Наиболее отчетливо эта идея была сформулирована Максом Вебером, который впервые осуществил фундаментальное теоретическое противопоставление традиции, с одной стороны, и разума — с другой,

тем самым на концептуальном уровне противопоставив традиционный и рациональный способы социальной организации. В конечном счете традиция и рациональность в концепции прогрессизма образовали два полюса, между которыми существует напряженность, сохраняющаяся до настоящего времени.

Для эпохи нарождающегося постмодернизма (конец 60-х – начало 70-х гг. XX в.) весьма симптоматичной стала концепция традиции Ганса Георга Гадамера, которую он развил преимущественно в своей работе «Истина и метод» в рамках философской герменевтики. На первый план у него выходит вопрос о традиции как *традиции истолкования* (интерпретации), при этом под традицией он понимает главным образом частную социокультурную традицию, которая сохраняется при любом историческом изменении. Он высоко ценит романтизм именно за коррекцию Просвещения, за признание того, что помимо чисто разумных оснований, традиция также имеет право на существование и в значительной степени определяет наши установления и поступки [Гадамер 1988, 333–334]. Его метод интерпретации или познания традиции состоит в том, чтобы одновременно познать противоположное. В соответствии со своим методом он наносит ощутимый удар по устоявшемуся модернистскому пониманию традиции и современности как дихотомии. Гадамер показал, что человек всегда уже укоренен в какой-то традиции, и ее следует понимать не как препятствие для развития и не как бастион авторитаризма, но как глубокую современную и актуальную культурную реальность. Тем самым он солидаризировался с позицией Э. Гуссерля, который утверждал: «В бесчисленных традициях протекает наше человеческое существование. Весь совокупный культурный мир во всех его формах пришел из традиции» [Гуссерль 1996, 212].

Конфликт между традициями и современностью представляется Гадамеру фиктивным, поэтому «ни просвещенческая критика традиции, ни ее романтическая реабилитация не ухватывают ее подлинного исторического бытия» [Гадамер 1988, 334]. В то же время он проявляет открытость в отношении постмодерна, призывает смириться с «открытым обществом», поскольку оно допускает плюрализм духовных интересов и полифонию равноправных точек зрения. Гадамер убежден, что традиция по-разному проявляет себя, дробясь и умножаясь во множестве различных образов, но сущность ее при этом неизменна.

Начиная с 70-х гг. прошлого века произошла заметная переоценка старого взгляда на традицию и явно обозначился общетеоретический интерес к ней. В общественной науке начался отход от жесткого противопоставления категорий традиционного и рационального, и все чаще высказывалось мнение, что традиция и инновация, традиция и современность взаимосвязаны и взаимообусловлены. Утверждалось, что абсолютизация «современности» и третирование «традиции» во многом

ответственны за то, что сегодня мы с трудом разбираемся в палитре разнообразных «традиций» и «традиционализмов». Даже отказ принимать «установку на современность» как всеобщую и обязательную вовсе не означает проявление «просто традиционализма» [Begriffe und Theorie].

Этот факт исследователи связывают с наступлением новой фазы в геополитическом развитии мира и с повсеместной интенсификацией процессов модернизации, востребовавших средства для конструктивного освоения социокультурных традиций. В действительности все общества в той или иной степени являются «традиционными», хотя для разных типов общества характерно разное соотношение традиций и инноваций. Можно утверждать, что традиция одинаково необходима во всех устойчивых обществах — и традиционных, и современных; различными бывают лишь механизмы ее действия, а также оценки самого факта зависимости от прошлого.

Традиции — из-за проблем глобализации и особенно благодаря кризисам современной жизни — не только продолжают сохранять свое значение, но и снова появляются в центре теоретического интереса. Этот интерес к традиции в теоретическом плане неслучаен. Как полагает Кристоф Нири, проблематика традиции лежит в русле ключевых проблем теории общества. Однако теоретическая разработка традиции, понимание ее сущности и способа существования вызывает большие трудности. Они связаны не только с громадным многообразием явлений, подводимых под понятие «традиция», с ее идеологической перегруженностью, но также и со злоупотреблением этим словом, грубым его искажением, когда оно рассматривается как синоним «обычая» или «привычки» [Begriffe und Theorie]. Обыденное, а также научное употребление понятия «традиция» порой содержат коннотации неизменного прошлого, чего-то устаревшего.

Но в Германии есть и другое понимание традиции, которое рассматривает ее не как нечто устаревшее и преодоленное, а как нечто имеющее рационально действующее содержание, способное к развитию. Так, например, философ Й. Пипер, несмотря на все противоречия и критические упреки, является по существу единственным немецким философом по этой проблематике, который еще с середины XX в. всегда эксплицитно занимался проблемой традиции. По его мнению, фактически меняется не отношение к традиции, а возможность безгранично и монополюльно управлять конкретными социальными процессами, регулируя определенное содержание традиции при помощи силы и власти.

Понять традицию в ее целостности и истинной значимости невозможно без привлечения философии, которая в силу своей специфики склонна опираться на многообразие, диалог и культуру мышления, т.е. она предполагает, что ничто нельзя помыслить без того, чтобы не мыслить об ином. В философских размышлениях о традиции имеются большие возможности для ее исследования. В то же время опыт

обращения философии к проблеме традиции свидетельствует, что между философией и традицией нет непроходимой пропасти, а всякое стремление представить философию, «очищенную» от традиции, приводит к утрате ее содержания и культурно-исторических оснований, на которых строилась эта философия [Begriffe und Theorie].

Осознание данного положения привело к новому взгляду на соотношение традиции и философии, а также к созданию новой дисциплины — современного традиционализма. Его задача состоит в том, чтобы проследить переплетение различных форм ментальности, социальной, культурной и экономической деятельности во всем многообразии их взаимодействий и выступающих в своем многообразии именно как Традиция. *Современный* традиционализм не только отстаивает цивилизационное многообразие, но и является принципиально новой доктриной, нацеленной на изменение целей человеческой деятельности и ее этических регулятивов. Современный традиционализм требует выработки новых ценностей и новых мировоззренческих ориентиров, которые могут быть восприняты различными культурами, сохранившимися в том числе и традиционные ментальности. Усилиями отечественных и зарубежных ученых современная теория традиционализма, в отличие от классического традиционализма начала XX в., приобрела статус очень respectable теории, обладающей большими объяснительными возможностями. В ее арсенале достижения философии, социологии, психологии, этнографии, языкознания, религиоведения, генетики, истории, искусствоведения.

Большой вклад в теорию современного традиционализма вносят российские философы. Так, видный отечественный философ В. Аверьянов посвятил этой теме фундаментальный труд, охватывающий как отечественные, так и западные исследования. Он наметил основное направление исследований в этой области: **«Предназначение теории традиции состоит в выведении исследователей на синтетические характеристики культуры и управления культурно-информационным процессом... Оно... должно быть не только организационным, но и сверх-организационным, ориентированным в том числе на сквозную миссию традиции, реализующую себя в разных условиях и эпохах, учитывающим необходимость самообновления из собственного пневматологического источника»** [Аверьянов 2012, 30].

Размышляя о возможностях современного традиционализма в сфере налаживания взаимопонимания между Россией и Германией, следует обратить внимание на два основных подхода, существующих в его рамках: транскультурный (универсалистский) и социокультурный. Первый из них сосредоточен на выявлении общечеловеческого в различных культурных традициях. Такой подход очень близок некоторым русским мыслителям: он выражен, в частности, в учении о консубстанциональности Н.О. Лосского (от лат. *con* — с, вместе и

substantia — нечто лежащее в основе). Его можно встретить также у других наших авторов: у писателя и философа Ю.В. Мамлеева, философский и творческий метод которого связан с открытием новых метафизических путей познания; у философов М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского, которые в своей совместной книге «Символ и сознание» писали: «Оба мы совершенно уверены, что есть (не “существует”, а “есть”!) одна философия, по-разному выполненная в текстах разных стран, культур, времен и личностей. Просто одна и та же действующая в ней сила вспыхивала в мире как разные имена» [Мамардашвили, Пятигорский 1997, 25]. Историк русской философии А.А. Ермичев считает, что русская философия есть один из видов всемирной философии как таковой [Ермичев 2014].

В Германии ярким апологетом унисвистского, или транскультурного подхода к традиции был Г. Лейбниц, который стремился понять мир в единстве и многообразии явлений, а его метафизика как наиболее умозрительное и максимально общее учение о сущности была основной компонентой его философской системы. Близкие к ней идеи можно встретить у Шеллинга, Хайдеггера и других немецких философов.

В этом смысле можно говорить о глубинном родстве между нашими народами, заключающемся в том, что русские и немцы относятся к метафизическим народам. Их объединяет признание объективности духовного начала, его существенности для мира. В истории немцев и русских отличала от других европейских народов особая устремленность к духовности, т.е. к признанию связи с надындивидуальными смыслами и ценностями, направленность к некой незримой субстанции, метафизическому основанию логического и онтологического в бытии культуры. И те, и другие постоянно размышляли над особым сверхиндивидуальным смыслом своего исторического бытия. Поэтому неудивительно, что русский писатель и мыслитель Ф.М. Достоевский нигде не был понят так глубоко, как в Германии, а немецкий философ Ф. Ницше нигде не имел такой популярности, как в России.

Наличие общечеловеческого компонента, понимаемого в русле метафизического замысла относительно мира и человека, содержит в себе традиционалистское послание, адресованное социуму, не ограниченному географическими, религиозными или этническими рамками, и поэтому в принципе способствует диалогу культур.

Но общечеловеческое в разных культурах имеет свои особые интерпретации и сплавлено с теми пластами смыслов, которые характеризуют историческую специфику той или иной культурной традиции. Следовательно речь идет о социокультурной традиции, которая позволяет людям идентифицировать себя как народ именно в связи с теми особенностями, которые отличают их от представителей другой социокультурной традиции. Соответственно, диалог культур предпо-

лагают, что особенности каждой культуры должны быть признаны, и к ним необходимо уважительно относиться.

Опираясь на современный традиционализм, Россия могла бы гибко взаимодействовать с иными культурными мирами, в частности, с немецким. Для русской культуры естественно стремление сочувственно и глубоко вживаться в чужие культуры, постигать их как свою собственную, открывать в них новые творческие импульсы и располагать их к взаимному дополнению своим творчеством. Эту особенность русской культуры Н.О. Лосский назвал «правилом Соловьева»: «Люби все другие народы, как свой собственный». Традиционализм создает основу для современных коммуникативных проектов, а также для международных политико-организационных усилий. Для России коммуникация — способ бытия, выражающий трепетное желание сохранения всякого бытия, даже через уступчивость и порой утрату себя, тем самым опредмечивая и распространяя свои идеалы добра, взаимопонимания и уважения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аверьянов 2012 – *Аверьянов В.* Традиция и динамический консерватизм. – М.: Центральный издательский дом, 2012.

Бек 2007 – *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. – М.: Прогресс-Традиция, 2007.

Бек 2001 – *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Бек 2008 – *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.

Гадамер 1988 – *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988.

Гуссерль 1996 – *Гуссерль Э.* Начала геометрии. – М.: AD Marginem, 1996.

Ермичев 2014 – *Ермичев А.А.* Имена и сюжеты русской философии. – СПб.: Наука, 2014.

Мамардашвили, Пятигорский 1997 – *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Семенов 2014 (ред.) – Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: ИМЭМО РАН, 2014.

Хабермас 2002 – *Хабермас Ю.* Вера и знание // *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. – М.: Весь мир, 2002.

Шлегель 1996 – *Шлегель К.* Расколотое зеркало: Образы Германии и России в 20 веке. Москва – Берлин. 1900–1950. – Мюнхен; Нью-Йорк; М., 1996.

Биография. Эрих Фромм. – URL: <http://www.peoples.ru/science/psychology/fromm/index1.html> (Дата обращения: 15.02.2017).

Особенности немецкого менталитета. – URL: (<http://foren.germany.ru/arch/wissen/f/5043711.html>) Дата обращения 1 Feste und Bräuche in Deutschland. <http://www.derweg.org/feste/kultur/> (Дата обращения: 25.01.2017).

Рождественские песни и игра на флейте: Меркель наша способ привлечь избирателей. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=B_pSL08Z4Mc (Дата обращения: 13.12.2016).

Begriffe und Theorie der Tradition. – URL: <http://www.traditio.de/etexte/dissein.html> (Дата обращения: 28.01.2017).

Unsere Werte/Zindel Maienfeld. – URL: <http://www.zindel-maienfeld.ch/Unsere-Werte>. (14.01.2017).

Tradition-UTB Handwörterbuch Philosophie: Online-Wörterbuch. – URL: www.philosophie-wörterbuch.de > Online-Wörterbuch (Дата обращения: 21.11.2016)

**IS THE DIALOGUE BETWEEN RUSSIA AND GERMANY POSSIBLE
IN THE ERA OF «NEW MODERNITY»?**

R.I. SOKOLOVA

Summary

The article considers the possibility of Russia interaction with other cultural worlds, in particular, with German. At the present stage the desire for such interaction is very urgent task, because the world is in a dangerous state, in the conditions of tectonic changes, accompanied by many difficulties and threats. The author notes that despite all difficulties and contradictions, Russia and Germany have not only common purposes and interests, but also deeper general bases on which it is possible to rely and move further. It is a certain spiritual and cultural affinity, and also manifestation of mutual sympathy, despite the sufferings of memory connected with war. The desire of the German society to rely on traditions, connected with searches of identity in the context of globalization, also promotes mutual understanding of Russia and Germany. In this regard, the article shows what happened in German society evolution in understanding the tradition - from its actual negation in the age of Enlightenment to the recognition of its positive value at this time. The author also notes that the modern traditionalism, developed by the Russian and western scientists, provides a good basis for modern communicative projects.

Keywords: globalization, crisis, uncertainty, identity, interaction, dialogue, tradition, traditionalism, world view.

Sokolova, Rimma – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rimmsok70@yandex.ru

Citation: *SOKOLOVA R.I.* (2017) Is the Dialogue Between Russia and Germany Possible in the Era of “New Modernity”? In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 6, pp. 50-63.

REFERENCES

Averyanov V. (2012) *Tradition and the Dynamic Conservatism*. Central publishing house, Moscow (in Russian).

Beck U. (2005) *Power in the Global Age* (Russian Translation: Progress-Tradition, Moscow, 2007).

Beck U. (1999) *What Is Globalization?* (Russian Translation: Progress-Tradition, Moscow, 2001)

Beck U. (2006) *Cosmopolitan Vision* (Russian Translation: Centre for Post-industrial Studies, Moscow, 2008).

Ermichev A. (2014) *The Names and Stories of Russian Philosophy*. Science, Saint Petersburg (in Russian).

Gadamer H.-G. (1960) *Truth and Method* (Russian Translation: Progress, Moscow, 1988).

Habermas J. (2002) Faith and Knowledge. In: Habermas J. *The Future of Human Nature*. Whole world, Moscow (Russian Translation).

Husserl E. (1996) *The Beginning of Geometry* (Russian Translation: AD Marginem, Moscow, 1996).

Mamardashvili M.K., Pyatigorskiy A.M. (1997) *Symbol and consciousness*. School “Russian Culture Languages”, Moscow (in Russian).

Schlegel K. (1996) *Shattered Mirror: Images of Germany and Russia in the 20th Century*. Moscow-Berlin.1900-1950. Munich, New York, Moscow (Russian Translation).

Semenenko I.S. (ed.) (2014) *Political Changes in a Global World: Theoretical and Methodological Problems of Analysis and Forecasting*. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Moscow (in Russian).